

ЛЮБОВЬ, ПОТРЯСШАЯ ВЕЛИКУЮ СТЕПЬ

К 1500-летию казахского эпоса "Козы-Корпеш и Баян-Сулу"

Версий эпоса много, но всегда в классическом сюжете рассказывается о встрече на охоте Сарыбая и Карабая, которые подружились и поклялись друг другу сосватать будущих детей, чтоб породниться. У доброго Сарыбая рождается сын — Козы-Корпеш, но отец в тот же день погибает. У Карабая появилась на свет дочь — Баян-Сулу, но он отказывается выдать её за юношу из уже обедневшей семьи и далеко уезжает — туда, где течет речка Аягоз. Баян-Сулу становится красавицей, слава о ее красоте разносится по Великой степи, ее девичьи чары покоряют юношей. Один из них — батыр Кодар. Он совершает много добрых дел, чтобы отец девушки отдал ему в жены Баян-Сулу. Но Баян не любит Кодара и противится воле отца. Золотоволосый юноша Козы-Корпеш становится батыром и узнав о том, что у него есть невеста, отправляется на её поиски. Они встречаются, и между ними вспыхивает пламенная любовь. Но везде и всюду стоит упорный соперник Кодар. И однажды Кодар убивает спящего Козы-Корпеша. И тогда Баян-Сулу просит его выкопать колодец, — Кодар выполняет просьбу. Она просит его спуститься в колодец по ее косе и отрезает косу, и Кодар погибает. От горя и отчаяния за любимого Козы-Корпеша Баян убивает себя кинжалом.

Эту удивительную легенду знали и любили древние тюрко-язычные народы, история которых всегда была связана с набегами, великими и малыми сражениями и стычками. Завоеватели пленили девушек и женщин, делали их рабынями, женами и служанками. Власть мужчины — воина, повелителя женщины была безграничной, а судьба дочери всегда зави-

Легенды, сказания, эпосы, словно ветры, гуляли в полудикой Великой степи, от берегов древнего Хвалынского \Каспийского\ моря, через "синий" Арал, возвышенность Сары-Арка, до самых "Золотых гор" — Алтая. Повествовали они о батырах, вождах и поэтах, джигитах и красавицах... Но не было среди них прекраснее и печальнее сказа чем история любви пылкого юноши Козы-Корпеш и красавицы Баян-Сулу.



села от ее родителей. Женщина в семейно-брачных отношениях была обречена на угнетение. Она была призвана устраивать быт и создавать удобства для мужа, помогать ему в трудные дни, в лучшем случае — давать советы, предостерегать от опасностей. Жизненный уклад, социальная психология того времени даже не предполагали, что любовь может подтолкнуть кого-либо к самопожертвованию.

Однако развитие духовности приближало человечество к осознанию великого, достойного самих Богов — Любви. Настает время, и любовь признается выше силы и могущественнее богатства... Появляются примеры, когда убеждения, мораль и даже чувства, связанные с почитанием родителей, родины приносятся в жертву любви. Но ни

один из героев народных эпосов во имя любви не лишал себя жизни.

И вдруг страстная любовь юноши и девушки заканчивается драмой. Событие это всколыхнуло и потрясло кочевников. Трагическая любовь, как яркое пламя, озарила степь, где господствовали подлость, зависть, жадность, но только не высокие идеалы, связанные с чувствами людей. С этого момента социальная мораль, мировоззрение кочевых народов совершают эволюционный скачок, великий прорыв, а сам сюжет обретает статус глобального.

Авторитетные критики прошлого и настоящего рассматривают сюжетную коллизию эпоса как призыв казахских девушек бороться за личное счастье, свободу и, если нужно, то и мстить за поруганную лю-

бовь. Идея эпоса, по моему мнению, много глубже и масштабнее: она — революционна и тем удивительна. Человек увидел себя духовно могущественным, и вся история любви Козы-Корпеш и Баян-Сулу отразила, как в увеличительном зеркале, это могущество. Человек будто высветил сам себя изнутри и удивился, как он вырос в своих чувствах, как он велик не только силой, подвигами и богатством, но волей и духом, освященными любовью. История знала много героев, и удивить подвигами или смертью было не ново, но вот поступок девушки, приведший к трагической развязке, стал великой новизной, исторической вехой в культуре степных народов.

Эпос, естественно, становится душой тюрко-язычного фольклора, поэмой свободы человека средневековой эпохи. Позднее сюжет трагедии развивается в рамках классического жанра: герои эпоса обрастают негативными лицами, совершаются их темные деяния, в противовес чистой любви, но борьба с враждебными силами продолжается. Герои эпоса, сюжетные линии за более чем тысячелетнюю историю трансформировались не раз, как хотел этого носитель дописанной культуры — народ.

Интересно, например, прорисован образ Кодара — соперника Козы-Корпеша. Отрицательный типаж воплотил в себе и белое, и черное. Он доказал любовь к Баян-Сулу не только словами, но и подвигами, деяниями ради любимой. Но мотивы его поступков оцениваются уже по-новому: он совершает подвиги во благо или во зло? Если во благо, то чего? Нет, Кодар — не положительный герой, он —

противник высокого, и значит, он — зло. Он не проявил по-добающей настоящему батыру доблести. В конце—концов он гибнет от рук самой же Баян—Сулу, чего пожелала воля сказителей и акынов. И симпатии народа не на его стороне. И это тоже знак того, что в сознании кочевых племен возникают другие ценности — нравственно—этические. Поэтому образ данного героя — тоже открытие времени, когда Любовь ставится уже на одни весы с жизнью, значимость ее выплескивается за привычные грани сознания и восходит в чертоги высокого и вечного. Любовь сильнее смерти!

Завершается эпос метафоричной символикой неистребимой ненависти к любви Козы—Корпеш и Баян—Сулу со стороны Кодара: на могиле влюбленных, по одной версии, вырастают два цветка, которым мешают быть вместе вставшие между ними шипы, символизирующие Кодара. По другой — на этом месте выросли два дерева, ветви которых не могут соединиться из—за колючего куста, разделяющего их.

В этой трагичной истории, пронизанной духом романтизма, присутствует художественный домysel, и вполне можно предположить, что все это могло произойти в другом месте, но все—таки, по воле Богов, произошло это на земле степных народов. И правда эпоса — в силе любви, её могуществе, хотя любовь оказалась дороже самой жизни, и герои, к сожалению, умирают. История кочевых народов знала много побед и открытий, но не было до сих пор такого восхищения духом человека, красотой его души.

Тысячу раз совершала земля свой оборот вокруг солнца, миллионы — вокруг собственной оси... Столько же раз поднималось и закатывалось солнце за горизонтом степи. С тех далеких времен, когда родился сюжет казахского эпоса "Козы—Корпеш и Баян—Сулу", из поколения в поколение, из уст в уста нес народ его как песню сквозь огневые века, домисливая, оживляя и совершенствуя. В степи без границ, где вечный простор для бесчисленных сайгаков, джейранов и дроф,

где зимой без усталости завывают буранные ветры, дуют волчьи метели, кочевник у очага, измученный невзгодами, слушал самую печальную, самую красивую на свете поэму, и теплела душа, светлел взор его. В сердце пробуждались силы, устремленные к справедливости, добру и красоте.

И встал рукотворный памятник на востоке Сары—Арка, где в ковильном безбрежье плещется даль, дуют с далеких хребтов полынные ветры, не—

как Аягоз, начав свой путь с кожных гор, а затем устремившись на Север, взяла да повернула назад, чтобы отдать свои воды своей же степи.

Стоит мавзолеем, всем ветрам открытый, в темном саване камня. Одинокий его силуэт стал символом вселенской любви. Он обращен из прошлого в вечное. Его духовная значимость издавна привлекала ученых, историков—ориенталистов. Например, друживший с Чоканом Валиха—



сущие сладость преданий и горечь... И сколько будет стоять мавзолеем, помнить будет Великая степь золотоволосого юношу Козы и прекрасную Баян.

Не странно ли, не символично ль, что здесь, в эпицентре Евразии, рожденный в горах Тарбагатай Аягоз направили воды сначала на Север, свернул на Запад и, как соперник Козы — Кодар, сильный и дерзкий, преодолевая все, вопреки всем правилам и законам северных рек, повернул на Юг. А там, где разыгралась драма, плавно и мягко завершив круг почета, петлей обогнул возвышение и утопил скорбь и боль свою в озерных водах синего Балхаша.

Как нет на свете повести более печальной, чем эта, как нет более великой, чем эта, степи, так нет реки, которая бы

новым Григорий Потанин, известный ученый—путешественник, этнограф писал: "Сюжет международный. Но ни одна народность не сделала его таким выдающимся пунктом в своей эпике, как казахи". И празднование 1500—летия эпоса в 2002 году — убедительное подтверждение словам русского путешественника.

Мавзолеем загружен аурой чистой и искренней печали. Как вырванное из обнаженной груди сердце, живет в полукруге серебристой аорты Аягоза. Четыре грани его обращены ко всем океанам, морям и хребтам... Случайность ли, что здесь — в самом сердце Евразии он встал на века. Каждая его сторона — не только символ печали и света, любви и ненависти, но также мудрости Востока, величия Запада, суровости и мужества Севера.

Здесь родился великий сюжет, а место это освящено молитвами и овеяно легендами.

Цветистым орнаментом эпос вписался в народный фольклор дописьменных тюрко—язычных народов. И версии его нашли отражение в фольклоре башкир, алтайцев, телеутов, уйгур, татар... Он распахнул дверь в другое измерение человеческих отношений, придал другое содержание любви, повлиял на развитие как устного, так и письменного творчества, он — в культурах генетически близких народов, в таких историях земной любви как "Ромео и Джульета", "Тристан и Изольда".

Вращается звездный шапирок над Великой степью, кружат над ней облака и степные орлы, ветры поют поминальные песни, не зарастает быльем в памяти потомков история любви Козы—Корпеш и Баян—Сулу. За десятки километров видна остроконечная фигура мавзолея. И, подъезжая к этим святым местам, овеянным духом народа, чувствуешь, как вселяется в тебя волнение в ожидании встречи.

В часы лунных ночей небесными огнями играют перекаты светлого Аягоза, а памятник горит сиянием ночи. И, кажется, у стен его бродят Козы и Баян, а следом крадется бесшумная, не знающая покоя, тень жестокого Кодара. Говорят, ночами бродят здесь и поныне души влюбленных. Еще говорят, что если заночевать здесь, загадав желание у священного камня, значит добиться его исполнения.

Из года в год, из века в век с разных концов Великой степи идут к памятнику влюбленные, приходят поклониться и помолиться старики, — они тоже любители... Касаются щеками стен, прикладывают ладони к теплым камням, выплескивая сердечные тайны, молятся за души Козы и Баян. Было так веками и будет всегда.

Б. ЩЕРБАКОВ